

Светлана Юрьевна Королёва,

канд. филол. наук

Ксения Валерьевна Виноградова,

студентка

Наталья Михайловна Теплова,

зам. начальника пресс-службы

Пермский гос. нац. исследовательский ун-т

СОВРЕМЕННЫЙ СЕЛЬСКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ: Очерк Галины Анфёровой «Бабушка»

Бытовая документалистика Пермского края, отражающая сельский уклад второй половины XX в. и тип мировоззрения, который — при всех оговорках — принято называть традиционным, в научных изданиях представлена небольшим количеством публикаций. В числе наиболее значимых назовем издание дневников (1981–1985 гг.) жительницы с. Камгорт М. П. Суловой, осуществленное диалектологом И. И. Русиновой [2] (см. также статьи на этом материале: [1; 6]). Другой безусловно интересный проект — публикация исследователями традиционной культуры И. А. Подюковым, Г. Н. Чагиным и С. С. Шляховой писем жительницы старообрядческой д. Усть-Уролка А. Ф. Сторожевой, написанных в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и адресованных детям и внукам [5]. Обе группы текстов — и письма, и дневники — происходят из Чердынского района Пермского края.

Наши полевые исследования показывают, что в современной городской и сельской среде широко представлены и другие виды документальных текстов: это записи воспоминаний о собственном прошлом и/или жизни старших родственников, различные по объему и назначению. Нередко они создаются людьми, покинувшими место рождения, переехавшими в другой регион, переживающими из-за исчезновения своей деревни. Внешним стимулом к написанию «прозы о прошлом» (принимающей форму мемуаров, автобиографий, биографических очерков и т. п.) может стать посещение родных мест, смерть близкого родственника или даже конкурс на лучшее сочинение о малой родине, объявленный местной библиотекой. Однако есть, по-видимому, и внутренние причины, побуждающие к творчеству людей, в обычной своей жизни далеких от литературных занятий. Во всех перечисленных случаях авторы оказываются в типологически тождественных ситуациях, которые выразительно охарактеризовала Н. Н. Козлова: они «покинули традиционное общество» и «перестали быть крестьянами», но опыт причастности к крестьянской

культуре (полученный обычно в детстве и юности) «занозой сидит в их подсознании», становясь постоянным предметом размышлений, «точкой отсчета» [3. С. 113–114].

Не случайно поэтому так часты в современных мемуарах изображения старших родственников — на самом деле тоже уже переживавших «вхождение в модерн», но для представителей более молодого поколения определенно воплощающих «настоящую» деревенскую культуру, национальный характер, крестьянскую судьбу, народную мудрость. Создавая письменный биографический нарратив, автор вынужденно занимает особую позицию: он «не втянут в настоящее», в отличие от авторов тех же дневников, и даже более — он не может выступать, подобно авторам мемуаров и автобиографий, как полноправный современник отображаемой эпохи [4. С. 19]. Его задача — рассказать о чужой жизни и тем самым хотя бы частично реконструировать прошлое, свидетелем которого он не был.

Произведение с лаконичным названием «Бабушка», предлагаемое

читателям, по своим жанровым особенностям тяготеет к биографическому очерку. Его автор — Галина Николаевна Анфёрова — родилась в 1964 г. в д. Парфёнова Кудымкарского района Пермского края. Проживает в с. Полва того же района (в 6 км от своей малой родины, с 2000-х гг. полностью опустевшей). Имеет среднее режиссерское образование, работает в местном Доме культуры, в свободное время собирает информацию об истории семьи. Читателями ее произведений выступают в основном родственники¹. Один из соавторов этого материала, Н. М. Теплова, познакомилась с Галиной Николаевной и узнала о ее литературных опытах в 2014 г., когда приехала в Полву, чтобы оттуда добраться до д. Парфёновой — родины своей бабушки².

Г. Н. Анфёрова — представитель нового поколения сельчан. Ее манеру отличает повышенная рефлексивность, потребность задавать «неудобные вопросы» о реалиях ушедшей эпохи (1930–1950-х гг.), в письменных воспоминаниях более старшего поколения предстающих, скорее, как данность. Повествование колеблется между восхищением «теми» крестьянами и осознанием своей нетождественности им («Как они могли так жить, — не перестаю удивляться, — откуда силы брали?!»). Примечательно и то, что автор не ограничивается устными сведениями, а включает в текст различные документы, в том числе специально найденные ею в архивах (в полной версии очерка приводятся записи из похозяйственных книг Полвинского сельсовета, документов Коми-Пермяцкого окружного военкомата, справка о размерах пенсии, на-

Галина Николаевна Анфёрова у заброшенного дома в д. Парфёновой, принадлежавшего ее семье. 2014 г. Фото Н. М. Тепловай

числяемой колхозникам в 1969–1978 гг., данные за 1908–1909 гг. о церковно-приходской школе, где училась бабушка, и др.). С лингвистической точностью воспроизводит она деревенский говор, ныне почти исчезающий.

Исследователям-полевикам знакома ситуация, когда эпизоды жизни, эмоционально описываемые пожилыми сельчанами в устной беседе, на письме излагаются ими сухо и лаконично или даже совсем не попадают в текст. Можно только догадываться, о чем бы захотела рассказать Евдокия Никифоровна, пиши она историю своей жизни «саморучно». Но ее внучка старается вспомнить всё, что слышала от бабушки, поэтому в очерк попадают подробности венчания и рождения одного из сыновей, правила поведения в патриархальной семье, а главное — чувства, которые испытывала героиня в этих ситуациях (то, что в крестьянских мемуарах старшего поколения редуцируется, пожалуй, в первую очередь). Ценны и воспоминания автора о своих детских реакциях на общение с бабушкой, ее образ жизни, проявления религиозности, — во всем этом явственно отражается духовный склад тех жителей деревни, чье детство пришлось уже на 1970-е гг.

Мы выражаем Галине Николаевне Анфёровой глубокую признательность за возможность опубликовать ее воспоминания и воспользоваться фотографиями из семейного архива³.

Г. Н. Анфёрова

БАБУШКА

Моя бабушка (по отцу), Анферова Евдокия Никифоровна, родилась 14 марта 1902 года в этой красивой, крестьянской деревне [Парфёнова].

Родилась на Евдокию плющиху, поэтому и назвали ее в честь этой святой.

Родилась в семье крестьянина-единоличника Анферова Никифора Гурьяновича и Прасковьи Григорьевны.

В этой семье до рождения Евдокии росла уже дочь Василиса (1899 год рождения, в последствии вышла замуж в д. Карпино).

И в 1906 году родился сын, брат бабушки — Дмитрий (без вести пропал на фронте в ВОВ).

Но это было все позже, а пока семья была среднего достатка. Жили не бедно, но и не богато. Усадьба была не маленькой: дом, конюшни, амбары, клить⁴ — все это за большими воротами.

Умели тогда в деревне не только работать, но и в праздники умели отдыхать. Святки, Масленица, Пасха — праздники, которые любили в деревне, отмечали шумно и весело.

А еще обязательный летний праздник — Сергеев день (18 июля). Этот Святой почитался деревней, как Ангел — хранитель. Этот праздник сохранился в деревне до моего детства. Мы — дети, хоть и росли уже

атеистами, не верившими в Бога, но праздник этот ждали⁵.

На краю деревни, при выезде в Агафоновскую сторону, стоял дом крестьянина-единоличника Анферова Василия Федоровича (1885 г.р.).

Хозяйство считалось одним из богатых на деревне.

Кроме сына Владимира, 1907 г.р., у Василия Федоровича и его жены Лепестиньи Корниловны, 1882 г.р. были две дочери: Ксения (г.р. неизвестен) и Анна — 1925 г.р., родилась уже при бабушке.

Чтоб вести такое большое хозяйство, надумал отец женить своего сына в 17 лет, т.к. в доме нужна была помощница.

Жену своему сыну он приглядел по соседству — трудолюбивую девушку Евдокию, что жила через дом. А то, что Евдокия была старше Владимира на 5 лет и даже выше его ростом, его ничуть не смутило.

Бабушке было в это время 22 года, а ее мужу 17 лет.

«Стерпится — слюбится», благословив, сказала ей мать, понимая, что ой, как не сладко будет дочери в замужестве при таком свекоре.

Бабушка вспоминала: «что у них уже были “робята”, а муж ее частенько лазил по черемухам с ватагой мальчишек и во всю посвистывал. Свистеть он любил всегда, выделывал такие коленца».

При венчании бабушка очень смущалась, что была выше ростом своего жениха, и когда над ними держали венчальные венцы она чуть присела и так простояла все венчание — не дыша — вспоминала бабушка.

Началась семейная жизнь.

Попала бабушка в строгую семью, где один взгляд сердитого свекра решал все. Это был немногословный и строгий нравом человек.

За обеденным столом никто не смел ложку в руки взять, пока он нарезал хлеб и первым не начинал обед.

Спокойная, тихая нравом Евдокия вела себя неприметно. Выполняла всю домашнюю работу, лишней раз не показывалась свекру на глаза.

К сердцу мужа бабушка сумела найти дорожку. «Между собой ладили — только вот в доме хозяином конечно был не он, а свекор. Ну да не только мы, все так жили», без обиды, говорила она.

Держали овец, и не один десяток. Шерсть с них надо было настричь, стеречь, спрясть и на всю семью навязать теплых носков и испоток (варежек).

А еще из овечьей шерсти делали пимы и валенки.

Для этого в зимнее время ходил по деревне пимокат⁶. Кому катал валенки, у того хозяина и проживал эти дни. С ним договаривалась вся деревня — устраивалась очередь.

Зимой всю скотину каждый день выгоняли на речку «на водопой». Это делали в деревне все хозяйства. И чтобы не перепутать скот, на скоте деревни устанавливали каждому хозяину определенное время.

Интерьер в старом доме М. Г. Анфёровой, которая покинула деревню Парфёнову одной из последних. 2014 г. Фото Н. М. Тепловой

Свиней на лето всей деревней угоняли «за мостик», в лес, где они и жили самостоятельно все лето. Для этого участок леса огораживали непроходимым валежником — наваленная ель в ряд, вдоль опушки леса. Потом, когда она высохнет и опадут зеленые иголки, получалась непроходимая, колючая изгородь. И свиньи не могли пройти через нее.

Я из детства помню остатки этих колючих зарослей, когда ходили в этот лес за малиной.

А осенью хрюши возвращались домой уже с «выводком», т.е. с приплодом. И не бывало случая, чтобы свиньи терялись. А для того чтобы их не перепутать, каждый хозяин выжигал метку (клеймо).

Так за домашними делами и заботами протекала жизнь в семье.

У бабушки родились дети.

Старшенькой дочка — Катенька, 1925 г.р. Затем два сына — Петр, 1927 г.р. и Василий, 1929 г.р.

Часто бабушка вспоминала, как рожала третьего своего ребенка — Васю.

Стояла сенокосная пора. В это день надо было идти на дальний покос.

Она ходила последние дни беременности, «была на сносях».

С утра она чувствовала себя «неважно», т.е. плохо, но ни кому ничего не сказала.

Мужики ушли раньше на покос, а бабушка со свекровью Лепестиньей Корниловной, управилась с домашними делами и пошла «следом».

Думала «все обойдется».

Уже прошли половину пути лесом, когда сильные схватки «свалили ее с ног». Свекровь только «тогда все поняла». Незная как быть, ведь хозяин, если они обе не придут на покос, будет взбешен, она отправила ее

одну назад домой, а сама пошла дальше. «Сама иди со мной не посмела».

А бабушка, кое-как, «из последних сил» добралась до дому, боясь, как бы не родить в лесу — «звери меня бы съели там, сырую».

Переступив порог — «тут и пала». Старшую дочь Катю отправила за соседкой бабкой — «повитухой». Когда та прибежала, ребенок уже родился и «во всю орал», рядом плакали дети...

«А я встать боялась. Мне всегда наказывали, сразу после родов не вставать и не наклоняться к ребенку, иначе можно умереть. Недавно был случай в деревне. Лежала и успокаивала Катю, что девочка-подружка-Иринка ей тожно будет. А она мне в ответ ишо громче заревела, да и говорит: “Дак у Иринки-то мдушки-и-и”. Тут я поняла, что опять парня принесла».

Вспоминая этот тяжелый случай, она всякий раз с обидой вспоминала свекра: «Вот уж был человек!»

Его младшая дочь Анна родилась (по документам) в один год с внучкой Катей, (1925 г.р.). Анне, как дочери, разрешалось многое из того, что не разрешалось внукам. «Она, как хотела ездила на нем», а внуки боялись одного его взгляда. «По головке не глаживал», вспоминала бабушка.

Один случай она тоже часто нам рассказывала.

Вся семья собралась за обеденным столом. Анна, как всегда, «ерзала» на коленях у отца (свекра), мешала ему нарезать хлеба. А все ждут его, когда он нарежет хлеба, и первый начнет есть. Тут маленькая Катя не удержалась и в общую «чашку» ложкой полезла первая. И тут же получила от деда крепкую «затрещину» — ложкой в лоб! «Катюка заревела, Петюка за ней. Я сию с ребенком-младенцем на руках, слово боюсь молвить. Свекровка соскочила, убежала за печку». Когда в детстве мы, ее внуки, баловали и не слушались, она нам всегда говорила: «Дедушки-то на вас нету. Моего свекра. У него б сейчас все смиро сидели».

К 1927 г. дошли правительственные реформы и до Парфеново.

Началась коллективизация.

Свекор никак не мог примириться с тем, что надо уводить со двора скот, отдавать имущество нажитое годами своим трудом.

Уже позорное прозвище — «кулаки», носила вся семья, а Василий Федорович, все не решался на вступление в колхоз. Ходил мрачный и злой. «Страшно было подойти к нему», вспоминала бабушка.

И только в 1930 году, после долгих раздумий и бессонных ночей, Василий Федорович решился. Дальше откладывать вступление в колхоз было опасно.

Отдали в колхоз «десятины» — собственную землю, которую годами обрабатывали сами и которая их кормила.

Увели со слезами на глазах туда же дойную корову и лошадь с упряжью. Стала семья Анферовых полноправными членами колхоза «Красный партизан». По утрам теперь стали ходить, как и все колхозники,

в правление колхоза на «разнарядку», т.е. за назначением на колхозную, общую работу.

Анферова Владимира Васильевича, бабушкиного мужа, «осудили в 1936 г. народным судом по ст. 116ж-119 указанным сроком на 5 годов. Наказание отбыл в Амурлаге. Прибыл 7го июня 1939 года», — гласит запись в похозяйственной книге д. Парфеново Полвинского сельсовета.

Бабушка осталась с четырьмя малыши детьми на руках. Старшей Кате — 11 лет, Пете — 9, Васе — 7 лет, Коле — 4 года.

Как она выдержала такую страшную беду, известно только ей одной.

Вскоре арестовали и свекра — Василия Федоровича.

Увели темной ночью из деревни 9 мужи-

|| Наши полевые исследования показывают, что в современной городской и сельской среде широко представлены записи воспоминаний о собственном прошлом и/или жизни старших родственников.

ков. Самых деловых, самых хозяйственных, «могучих». Одному из них было всего 17 лет, «совсем молоденького забрали», вспоминала бабушка.

Домой никто не вернулся.

Очевидец следующей такой «партии», которому удалось вернуться, рассказал в деревне, что видал их в Перми, в тюрьме.

Но, говорил, «домой их не ждите, их всех ночью вывезли и расстреляли».

Бабушка, хоть и держала обиды на сердитого свекра, но часто вспоминала и жалела его. «Даже могилки нету у человека. Закопали в общей яме. А где? Неизвестно». За что пострадал этот трудолюбивый крестьянин?

Было этому крестьянину, моему прадеду, всего 53 года от роду. В похозяйственной книге за 1938 год, есть запись: «Анферов Василий Федорович, глава хозяйства, 1885 года рождения, неграмотный, хлебороб, в колонии». Царство небесное рабу Божиему Василию. И вечная ему память.

Все хозяйство теперь легло на бабушкины плечи.

Хозяйство теперь было «разоренное», но была коровка во дворе, был огород и четверо ребятишек.

А еще она очень ждала своего мужа, она просто знала и верила, что он вернется домой. И однажды он прислал письмо, что скоро «будет».

Вернулся он 7 июня 1939 года к «разоренному» хозяйству, «не застав в живых» дома ни отца, ни матери. «3 года провел в колонии, а за что?, сами мы тогда не понимали» — часто сокрушалась бабушка. Но тогда она была «рада-радешенька», что муж вернулся домой живой, что «наказание снизили, ведь судом давали 5 лет». Теперь были надежды, что все беды от семьи уйдут и жизнь наладится.

Владимира Васильевича после возвращения из лагеря «поставили» в колхозе счетоводом. Бабушка работала рядовой колхозницей. Но что интересно, разоренную семью в деревне продолжали звать «кулаками».

«А какие мы были кулаки?» — сокрушалась бабушка вспоминая...

В начале 1941 года бабушка родила пятого ребенка — дочь Дину.

Тут же «следом» грянула Великая Отечественная Война.

С первых же дней войны в деревне стали ждать весточек с фронта.

Письма-треугольники приходили, но редко. Потом в деревню пошли письма-конверты. В них, чаще всего, лежали официальные извещения, так называемые «похоронки». Таких писем стали бояться.

Даже почтальоны боялись таких конвертов. Бабий вой стоял по деревне почти после каждого обхода почтальоном.

Необошел такой конверт и бабушку. В 1942 г. она получила это письмо с извести-

ем, что ее муж Анферов Владимир Васильевич, рядовой стрелкового полка числится, как без вести пропавший. (К сожалению письмо не сохранилось). Письмо это было из-под Москвы, вспоминала бабушка. Ее поразило слово «пропавший», прописанное в письме. «Что он, скотина какая», помню, сокрушалась она.

Муж бабушки ушел на войну в первые же дни войны. Прощаясь, «уж в дверях, он повернулся и сказал, что своей кровью смоем со своей семьи это позорное прозвище — “кулаки”», часто вспоминала бабушка.

Царство небесное, этим «славным мужикам», сложившим головы на поле брани за свое Отечество.

Осталась Евдокия, бабушка моя, вдовой в 40 лет. «с четырьмя ребятиками на руках». Младшенькая Дина, пятый ребенок, умерла 30 июня 1941 года, перед самым уходом на войну отца.

Часто вспоминала бабушка один случай. Как-то [старшая дочь] Катя приехала домой «с учебы» [из Кудымкара]. А перед отъездом назад выстирала свое единственное платье, повесив его «в ограде сохнуть». И там его «испортила корова, изжевав весь подол».

«Все. Ехать было не в чем. Катюка ударились в рев. Я побежала по деревне, выпросила у соседки старое платье, с него Катя перешила себе кой-какую юбку и в этой ней опять же поехала на учебу. И наревелись мы тогда с ней обе». «А в узелок-от я еть ей давала один табанек⁷ да пять картошек. Как она с голоду там не умерла?»

Бабушка долго ждала своего мужа домой. Надеялась, что «похоронку» прислали по ошибке. «Мало ли че не бывает “в етакой мясорубке”». Ну лежал израненный в госпитале может, а его и списали». Слух доходил, что и после «похоронок мужики домой возвращались». Но сколько не ждала Евдокия домой своего мужа, не вернулся Владимир в родную деревню, к своей семье.

Потом, вспоминала она, пришел с фронта сосед и все «бабы бегали к нему», с надеждой спрашивали про своих, «не видал ли нашего?». Ходила и бабушка к нему, но он «обсказал обстановку, сказал, что домой не ждите, за Москву были такие бои, что кровь людская в сапоги заливалась, не каждому суждено выжить в таких боях».

Война оставила тяжелый след в душах людей того времени. И всю свою жизнь они не забывали своих погибших родных, часто вспоминали их, жалели их, молились за них, и даже разговаривали с ними. Помню, делала это и моя бабушка.

Сама бабушка Анферова Евдокия Никифоровна умерла в преклонном возрасте 14 февраля 1984 года. Прожив 82 года.

Бабушка моя была грамотной. В похоронных книгах Полвинского сельского совета в графе «грамотность» у нее везде стоит — 2 класса [церковно-приходской школы].

Она всегда сама писала письма дочери Катерине, отправляла поздравительные открытки, и я помню, писала она не плохо. Читала она книги и газеты.

Была она православной, и верила в Бога, что нам тогдашним детям-атеистам не нравилось. «Безбожники» — ругала она нас.

«Пока могла», она ездила в церковь в с. Егву. Очень жалела, что закрыли ближние церкви (в Полве, в Сэрино, на «Маленькой Меленке»). Всегда, помню, соблюдала посты, и как могла «собирала» праздничный стол на православные праздники: Рождество, Масленицу, Пасху. А мы, дети-«безбожники» тогда особо и не вникали, что это за праздники, но вкусно поесть к ней «бегали». Обязательно бабушка поминала своих умерших близких и молилась за них.

На столе у нее всегда лежали толстые «церковные» книги. Некоторые были на церковно-славянском языке! Нам, внукам, она запрещала их трогать, боялась, что они «рассыплются». Действительно, они были очень старые и потрепанные.

Но иногда, помню, откроешь книгу, а там такой слог!, что ничего не понимаешь. И я всегда удивлялась: «как ты, бабушка, это понимаешь?»

Иногда ей хотелось нам почитать вслух свои толстые книги. Но мне почему-то было страшно слушать, я затыкала уши и говорила, что слушать не буду. Она не обижалась, только «охала» и говорила, «безбожники, чопосля делать-то будите?» Но в этом плохом поведении мы были не виноваты, как она сама же и говорила, нас тогда воспитывали в духе атеизма. Жалею теперь, через много лет, что так вела себя, «да топеря, паре, ни чо уж не поделать».

В 1970-ые годы, а это мое детство, бабушка жила летом у себя, в своем маленьком домике, а «зиму пережидала у сыновей». Но только отступали морозы, как бабушка начинала тут же откапывать тропинку к своему дому. Домик этот она «откупила» в 1963 году, у своей снохи Пелагеи Устиновны, когда та с семьей своего сына переехала в Полву.

«Из клити состроенной», говорила бабушка про свой дом. Он был маленький,

4 на 4 метра наверно. В октябре 1964 в доме «сбили» из белой глины русскую печь, которая заняла треть часть избы.

Печь стояла справа, «подле» нее лавка. Дальше за печкой и лавкой небольшая кухня — «насередь».

А слева от печи стояла бабушкина кровать, дальше: в ряд табуретка и «короб», (по-современному — комод). И стол. От стола, вдоль другой стены, и до кухни, опять же стояла лавка. Между печью, слева и кроватью справа, свободного пространства метра полтора. Не больше. Вот и весь «обиход».

В домике всегда было чисто. «Убрано». По праздникам и в холодную погоду лежали на полу половички. У порога на полу лежала клеенка.

А солнце по-моему, совсем не уходило из ее дома! Светило оно постоянно ярким, теплым, каким-то желтым светом, во все три окна!!!

И мы, внуки, очень любили ходить к ней в гости. «На дню по пять раз бегали». Иногда, чтобы оказать помощь: помыть полы, принести из колодца воды или занести дров. А чаще «бегали просто так», посидеть-поговорить.

Она всегда угощала нас, чем могла.

Какие у нее были вкусные сухари! Моченые в воде, и с солью!

А квас!! В кружке, под пенкой!

Или яйцо, запеченное «на загнеде» в русской печи!

Помню, в деревне, ее все звали уважительно — Евдокия. А подрастающая молодёжь просто — баба Дуня.

Мы, внуки, все любили бабушку Дуню. От тяжелой физической работы огрубели ее руки, но не очерствела душа.

Для нас она всегда была доброй, настоящему она не ругала нас, по-моему, никогда. А когда мы ссорились между собой, она говорила нам: «Девки, вы девки! Пошто же вы деретесь? Вот вырастете, разлетитесь, как птички по белу свету. Будите же друг дружке письма писать. Нельзя же еть эдак-ту».

Как она была права, наша милая бабушка Дуня.

Частенько она любила вспоминать свою тяжело прожитую жизнь, а мы любили ее слушать.

Еще бабушка часто читала нам наизусть «Песнь о вещем Олеге». Каждое слово в бытине она любила разбирать и «смаковала ее»⁸.

А ее любимой песней была песня «Бродяга к Байкалу подходит». Напевала она ее, а потом опять же «переживала за каждое слово».

Теперь уже и у нас, внуков бабушки, есть у многих свои внуки. (А всего у нее 14 внуков.) Но очень часто мы вспоминаем свою бабушку.

Ту добрую бабушку Дуню — из далекого, безоблачного, «Парфеновского» детства.

С. Полва, 2014 г. Анферова Г. Н., внучка бабы Дуни по сыну Николаю⁹.

Примечания

¹ На основе устных и архивных сведений Г. Н. Анферова написала также небольшой краеведческий очерк о д. Парфёнова.

² Прим. Н. М. Тепловой: «Моя бабушка, М. А. Муктарова (в девичестве Анферова, 1936 г.р.), тоже родилась в Парфёновой. По ее рассказам, деревня была основана в XIX в. тремя братьями, старшего из которых звали Сергей, от него ведут свой род предки моей бабушки. Отцом братьев был Адам, а все потомки носили фамилию Анферовы. Наше семейное предание подтвердил рассказ другой уроженки д. Парфёнова, О. Е. Анферовой (1932 г.р.), который я записала в 2014 г.: по ее словам, общим предком первых здешних насельников был Парфён Адам, в честь которого и была названа деревня».

³ Текст печатается в сокращении, с сохранением авторской орфографии, грамматики и пунктуации.

⁴ *Клитъ* — клеть 'холодная изба, в которой живут летом; пристройка к жилому дому, кладовка' [7. Вып. 1. С. 394–395].

⁵ В настоящее время бывшие жители Парфёновой, проживающие в с. Полва, регулярно отмечают 18 июля как «день деревни», навещая свою малую родину, встречаясь там с родными и друзьями.

⁶ *Пимокат* — в пермских говорах 'мастер, который катает валенки (пимы)' [7. Вып. 2. С. 99].

⁷ *Табанек, табань* — 'толстая лепешка из кислого теста, испеченная на сковороде или на поду русской печи' [7. Вып. 2. С. 432].

⁸ В оригинале приписка: «Добавить!!!»

⁹ Фраза, выделенная курсивом, приписана к печатному тексту от руки.

Литература

1. *Арустамова А. А.* Дневник М. П. Суловой: человек — природа — социум // Филологические заметки. Филолошки студии. 2014 (в печати).

2. Дневник М. П. Суловой (1981–1985 гг.). Публикация и исследование текста / Отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2007.

3. *Козлова Н. Н.* Крестыанский сын: опыт исследования биографии // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 112–123.

4. *Козлова Н. Н.* Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.

5. Письма А. Ф. Сторожевой: «И как уехал — не писал...» // *Подюков И. А., Чагин Г. Н., Шляхова С. С.* Фокеевна: Документальная повесть. Пермь, 2009. С. 67–77.

6. *Русинова И. И.* Наивный дискурс (на материале личного дневника диалектоносителя) // Вестник Пермского университета. Серия Филология. 2006. № 3. С. 86–97.

7. Словарь пермских говоров. Вып. 1 (А–Н). Пермь, 2000. Вып. 2 (О–Я). Пермь, 2002.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14–14–59009а(р) «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».